

Чжуан Лань взяла у Чжуан Яна курицу, одной рукой ухватив её за крыло, другой прижав к себе. Держала она крепко, и курица, смирившись, опустила голову на её руку, вид у неё был совершенно безучастный.

— Пойдём.

Чжуан Ян пошёл вперёд, Чжуан Лань последовала за ним, и они направились к деревянному мосту.

Брат с сестрой дошли до дома Цюаньцзы. Матушка Лю хлопотала на кухне и, увидев, что пришёл второй сын из семьи Чжуан, вышла поздороваться.

— Цюаньцзы уже проснулся? — спросил Чжуан Ян, вежливо поклонившись.

— Только что очнулся, в комнате, — с улыбкой ответила матушка Лю. Радость её была очевидна. Улыбка украшала её лицо, черты были мягкими и правильными. Чжуан Ян вдруг подумал, что в юности матушка Лю, наверное, была редкой красавицей.

— Эта курица — для Цюаньцзы.

Едва Чжуан Ян договорил, Чжуан Лань протянула курицу.

— Не стоит, дома есть еда, — отказалась матушка Лю. Она как раз варила для сына кашу.

— Я видел, он много крови потерял, нужно тело поддержать. Если уж вам так неловко, потом, когда будет возможность, вернёте курицу, — с улыбкой сказал Чжуан Ян. Он понимал, о чём думает матушка Лю. Да и по словам самого Цюаньцзы, который всегда твердил «осенью отдам», было ясно — мать с сыном люди гордые, зря подарков не принимают.

— Тогда спасибо вам, второй господин.

Матушка Лю взяла курицу, благодаря ещё и ещё. Хотя долгов перед семьёй Чжуан накопилось немало, она не отчаивалась — жизнь длинная, понемногу соберёт денег, всё отдаст. Лишь бы Цюаньцзы был цел и невредим, лишь бы жил — это главное всего. Цюаньцзы давно курицы не ел, как раз поправится.

Цюаньцзы лежал с открытыми глазами, глядя в окно. Проснувшись на рассвете, он чувствовал тошноту и головную боль, мог только лежать без движения, чтобы не стало хуже. Очнувшись, он долго не мог сообразить, что происходит и почему лежит в постели, а потом постепенно вспомнил драку со сборщиками податей и то, как его избили. Глядя на заплаканное лицо матери, он не решился высказать всю свою ярость, только успокаивал: «Мама, я уже лучше, не плачь». С детства Цюаньцзы редко видел мать плачущей — наверное, его вчерашний обморок сильно её напугал.

Деньги, что тётка дала им в помощь, эти сборщики просто отняли — хуже разбойников.

В доме не осталось ни гроша, будто ограбили. От одной этой мысли в груди поднималась злорада, а от злости голова раскалывалась. Нечего и думать об этом, всё равно толку не будет, не отнимешь обратно — сам слишком слаб.

Обижали его часто, но Цюаньцзы всегда давал сдачи, как учил Хромой Ван: если бьют — бей в ответ. Цюаньцзы размышлял, что раньше в Фэнли он сталкивался лишь с драчливыми ребятами да бранчливой тёткой, а с такими наглыми солдатами — не встречался.

Когда был жив дед, он помогал им платить подати: взрослый — сто сорок цяней, это подушная подать; ребёнок — пятьдесят, подушевый сбор. Вместе с матерью они платили сто девяносто цяней в год. Цюаньцзы был ещё мал, но понимал, что это вопрос выживания, потому и запомнил твёрдо. А теперь они с матерью должны были платить аж триста цяней в год.

Выращенную свинью можно продать за хорошие деньги, но хватит ли на триста цяней? Цюаньцзы не знал. Но ведь свинью-то за год только и вырастишь, как же это несправедливо — самому вырастить скотину, а мяса своего не попробовать!

Этим сборщикам, что драли такие непомерные подати, было всё равно, выживут они или нет.

Цюаньцзы сердито раздумывал об этом, а голова гудела, будто залитая расплавленным железом. Это от того, что голову ударил, оттого и мучает. Он потрогал затылок — там действительно была шишка, больно даже прикоснуться.

Вчерашние события вспоминались смутно, но как Чжуан Ян нёс его на спине, запомнилось отчётливо: у второго господина приятно пахло, а спина была тёплой. Хорошо бы, если бы у него был такой же старший брат, такой же добрый.

Только семья у них бедная, будь у него такой воспитанный брат, только бы страдал вместе с ними.

Пролежав долгое время, Цюаньцзы увидел, что солнце уже высоко, и вспомнил — овец ещё не выгнал, поле бобов не полил, свинью не покормил. Он опёрся о ложе, медленно приподнялся, попытался встать, но едва поднял голову — в груди затошнило, в ушах зазвенело. Всё поплыло перед глазами, Цюаньцзы едва удержался, ухватившись за ложе, а с лица у него струился холодный пот.

— Ложись скорее.

Послышался приятный голос. Цюаньцзы взглянул и увидел в дверях Чжуан Яна и Чжуан Лань.

Чжуан Ян подошёл, помог Цюаньцзы лечь. Тот, вытянувшись на ложе, простонал: «В ушах шумит, голова болит».

— Не торопись вставать, нужно два дня отдохнуть.

Чжуан Ян похлопал Цюаньцзы по плечу — жест утешения. Он был рад, что мальчик очнулся.

— Мама говорила, ты звал ко мне лекаря, спасибо, что спас.

Вернувшись на ложе, действительно стало легче, звон в ушах тут же прекратился. Глядя на улыбающееся лицо Чжуан Яна, Цюаньцзы пробормотал:

— Не за что.

Чжуан Ян кивнул, разглядывая мальчика. Волосы у Цюаньцзы были распущены, лежали на плечах, лицо казалось совсем юным — вот как должен выглядеть тринадцатилетний ребёнок. А он всегда закалывал волосы в пучок, по-взрослому, явно стремясь поскорее повзрослеть. Как говорится, в бедной семье дети рано взрослеют.

— Цюаньцзы, ты больше не дерись с солдатами, они злые и страшные, ещё голову отрубят, — как маленькая взрослая, наставляла Чжуан Лань, склонившись над ложем.

— Угу, — тихо, почти неслышно, ответил Цюаньцзы. Он повернул голову, скрывая ссадину на левой щеке — это была не только рана на теле, но и позор в душе.

Слушая Чжуан Лань, Чжуан Ян подумал, что пусть лучше это скажет А-Лань, а то от него прозвучало бы как упрёк. Хотя в житейских делах А-Лань Цюаньцзы, конечно, далеко уступала, но в таких вопросах была сообразительна.

Они и пришли только проведать Цюаньцзы, и, видя, что с ним всё в порядке, Чжуан Ян не стал задерживаться. Пока Чжуан Лань разговаривала с мальчиком, он тихо развернулся и вышел, не заметив, как взгляд Цюаньцзы проводил его. А когда Чжуан Ян удалился, в том взгляде осталась лёгкая тоска.

Чжуан Ян вышел из дома во двор и увидел, как матушка Лю ощипывает курицу — движения быстрые и ловкие. Ему стало любопытно: каким же был отец Цюаньцзы, что оставил их с матерью одних?

В тот день навестить Цюаньцзы пришли не только Чжуан Ян с Чжуан Лань, но и А-Пин с А-Ли. Трое ребят предложили помочь: выгнать овец и полить поле бобов. Цюаньцзы отнекивался, говорил, что завтра уже сам встанет.

Без Цюаньцзы, главного работника в доме, матушка Лю не могла заниматься ткачеством. Но в бедных семьях на мелкие хвори не обращают внимания, и Цюаньцзы считал, что, отлежавшись день, назавтра точно поправится.

— Цюаньцзы, ты отдыхай, мы пошли.

А-Пин вытащил болтливую Чжуан Лань из комнаты и, поклонившись, попрощался.

Цюаньцзы слегка кивнул. Голова ныла слабо, он и вправду всегда был немногословен и, видимо, действительно не любил болтливых.

Трое детей ушли, а Цюаньцзы свернулся калачиком и погрузился в тяжёлый сон. Спал он недолго, может, и четверти часа не прошло, как проснулся от запаха тушёной курицы.

Пока был жив дед, когда в доме резали курицу, Цюаньцзы всегда получал свою долю. Получить куриное крылышко или ножку, миску бульона — это было огромным счастьем. Теперь, вспоминая, он понимал, что под защитой деда его детство не было таким уж горьким. Лишь когда два года назад дед скончался, они с матерью и впрямь оказались в трудном положении.

Давно он курицы не ел. Пахло так вкусно!

Цюаньцзы приподнялся с ложа, потрогав урчащий живот. Показалось, наверное, — курицы-то дома нет, откуда бы ей взяться?

Что в доме есть съестного, Цюаньцзы знал как свои пять пальцев.

Мать пошла варить кашу, скоро, наверное, сварится, но отчего же запах куриного бульона такой настоящий? Цюаньцзы вытер рукавом уголок рта, слюнки потекли. Он услышал шаги матери, высунулся к двери и как раз увидел, как она входит с миской в руках.

— Мама, это курицу сварили?

Цюаньцзы вытянул шею.

— Да, смотри.

Матушка Лю поднесла к нему дымящуюся миску. К радости Цюаньцзы, в миске действительно была курица — целая ножка и кусок грудки, а коричневый бульон источал густой аромат. Матушка Лю добавила в бульон засушенные Цюаньцзы чайные грибы и протушила всё вместе с курицей.

Это было пиршество, словно во сне.

— Мама, у нас же курицы не было.

Цюаньцзы взял миску, но не притронулся к ложке. В доме ведь ни гроша не осталось, неужели мать что-то променяла на курицу?

— Второй господин из семьи Чжуан прислал курицу, говорит, тебе тело подкрепить.

Матушка Лю улыбнулась, взяла ложку и принялась кормить сына.

— М-м-м.

Цюаньцзы с жадностью глотал. Как же вкусно!

<http://bllate.org/book/15945/1425495>